

М И Х А И Л М А Р Г О Л И С

АВТОРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ ГРУППЫ

Машина Времени

настоящая
история
главной
рок-группы
страны

полвека в движении →

Михаил Марголис

**Машина Времени.
Полвека в движении**

«ЭКСМО»

2019

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

Марголис М.

Машина Времени. Полвека в движении / М. Марголис —
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102928-9

Единственная биография группы «Машина Времени», созданная при участии самой группы. Часы разговоров, воспоминаний, обсуждений, и вот — восстановленная для любимого читателя история, которая ожила в юбилейный год. Книга полна фотографий: здесь архивные фото молодых музыкантов, концертные съемки и множество живых, закулисных моментов. Михаил Марголис — один из самых крутых музыкальных журналистов, близкий друг «Машины», человек тонкого вкуса, судите сами: «В отечественной рок-летописи «Машина Времени» наверняка останется единственной группой, доехавшей до своего «полтинника» без оговорок. Все остальные начали существенно позже «Машины» и вряд ли пройдут столь долгий путь. Новая реальность становится калейдоскопичнее с каждым днем, в запросах публики все меньше постоянства. У «Машины» же сложилась прямо-таки волшебная и отчасти поучительная биография. Стартовав как советские «битлы», Макар со товарищи к сегодняшнему дню превратились в российских «роллингов», хотя бы с хронологической и статусной точки зрения. За полвека у группы не было ни единого серьезного простоя. Добро пожаловать на борт!

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

ISBN 978-5-04-102928-9

© Марголис М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Марголис
Машина Времени
Полвека в движении: настоящая
история главной рок-группы страны

Глава 1

Оставайся собой

Мы вместе идём, распевая хорошие песни по Пресне. И в мире нет смерти и времени нет...

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РОК-ЛЕТОПИСИ «МАШИНА ВРЕМЕНИ» НАВЕРНЯКА ОСТАНЕТСЯ ЕДИНСТВЕННОЙ ГРУППОЙ, ДОЕХАВШЕЙ ДО СВОЕГО «ПОЛТИННИКА» БЕЗ ОГОВОРОВ. ДАЖЕ У «АКВАРИУМА» ТАКОГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Он волей своего создателя поделен на версии – «1.0», «2.0», «3.0» и т. д. И сколько бы людей в тот или иной период ни музицировали с БГ, «Аквариум» – его личная игра, то есть тут история не совсем про группу. О других флагманах цеха (из тех, что пока «в седле») и речи нет. Все они начали существенно позже «Машины» и вряд ли пройдут столь долгий путь. Новая реальность становится калейдоскопичнее с каждым днем, в запросах публики все меньше постоянства.

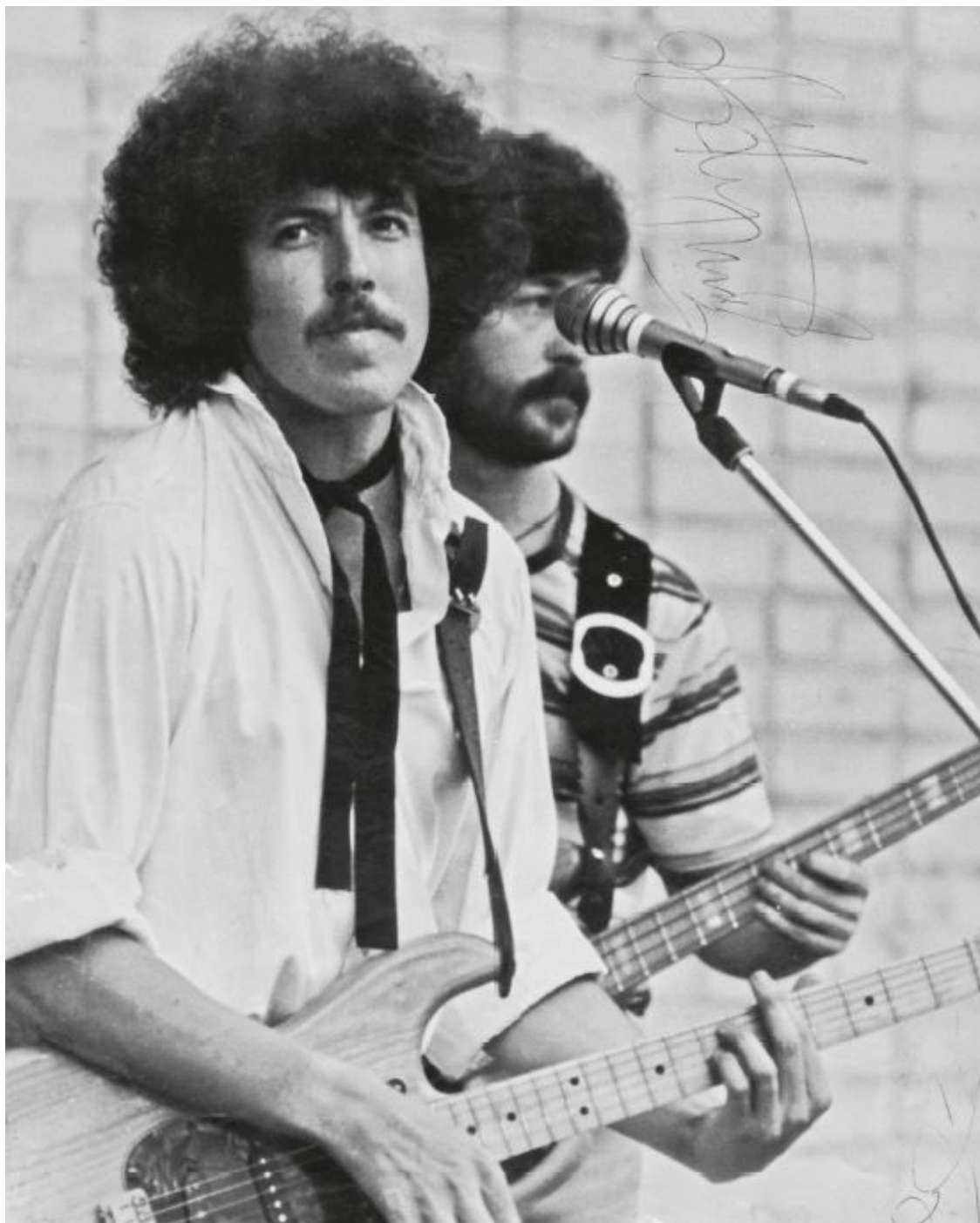
Мне трудно представить, допустим, полувековой юбилей «Мумий Тролля», «Сплина», «Ленинграда»... Как ностальгическая гала-акция такое вполне возможно. Но чтобы эти команды сохранили свой костяк до середины нынешнего века, ни на год не ушли в тень и на собственное 50-летие (когда их фронтменам станет под 70) пустились в полугодовое гастрольное турне по нескольким странам, исполняя в «бисовой» части программы древние вещицы типа «Утекай», «Орбит без сахара», «Геленджик» – звучит утопично. По крайней мере сейчас.

У «МВ» же сложилась прямо-таки волшебная и отчасти поучительная биография. Стартовав как советские «битлы», Макар сотоварищи к сегодняшнему дню превратились в российских «роллингов», хотя бы с хронологической и статусной точки зрения. За полвека у группы не было ни единого серьезного простоя. Такого, чтобы кто-то мог удивленно спросить: «А разве «Машина» еще существует?» Не было даже спадов популярности. При «застое» и «перестройке», в постсоветские демократичные 90-е и полемические десятилетия нынешнего

века «МВ» могла и может собрать стадион, а иногда целые площади с десятками тысяч своих поклонников. При этом люди желают в сотый раз услышать не только ветхозаветные «Скачки», «Поворот» «Марионетки», «Костер», но и «Однажды мир прогнется под нас», «Место, где свет», «Звезды не ездят в метро», «Улетай», «Пой», «Однажды»... Перечисления хватит на целый абзац. Это хиты из разных эпох. Некоторые написаны относительно недавно и далеко не все исключительно Андреем Макаревичем. «Машина» не превратилась в передвижной экспонат эры нелегальных сейшенов, магнитофонных бобин и черно-белого телевидения, не стала сольным проектом своего лидера, как постепенно произошло практически со всеми популярными рок-группами, рожденными в СССР. Она удерживается на своей орбите, не теряя контакт с реальностью (о чем сигнализируют новейшие песни «МВ»).

Слово Макара по-прежнему резонансно: стоит ему откровенно высказаться в СМИ или соцсетях, и моментально это становится топовой новостью, темой для общественного ора. Каждую собственную круглую дату, так сказать, при любых режимах, группа отмечала грандиозными концертами на Красной площади, в Лужниках, спорткомплексе «Олимпийский». И полувек свой в родной Москве встречает на вместительной, новой футбольной арене «Открытие». А на главной афише юбилейного тура «МВ» не просто название группы, не портрет поседевшего Макара во весь плакат. Там, словно окликнутые кем-то из бурного прошлого, с улыбкой оборачиваются к сегодняшней публике молодые Андрей Макаревич, Александр Кутиков, Валерий Ефремов – устойчивый треугольник, отобранная временем основа «Машины».

Что до «поучительности» биографии «МВ», она в какой-то сатирической (и исторической) справедливости, с добавлением басенной морали. Непроизвольно перечисляешь затертые поговорки: «хорошо смеется тот, кто смеется последним», «цыплят по осени считают», «поживем – увидим», «собака лает – караван идет» или замечание профессора Павла Константиновича из «Гаража» Эльдара Рязанова: «В молодости меня много били, причем били за то, за что потом давали звания, премии...» А у Михаила Жванецкого есть наблюдение: «Мыслить так трудно, поэтому большинство людей судит», у язвительного Станислава Ежи Леца: «История повторяется, потому что не хватает историков с фантазией», да и у самой «Машины» в песнях изрядно подобных крылатых фраз. Ирония судьбы до смешного регулярно проявлялась и повторялась в «машинистском» марафоне.

Вспомним хотя бы несколько полярных фактов. В 1982 году один из главных рупоров советской печати, газета «Комсомольская правда», опубликовала приснопамятный опус «Рагу из синей птицы». Показательный наезд на успешную, но не «ручную» (как все тогдашние филармонические ВИА) «Машину Времени» лишь от имени красноярского собкора издания Николая Кривомазова (впоследствии успевшего поработать ответственным секретарем газеты «Правда» и главным редактором журнала «Русская водка») выглядел бы не вполне весомо. Поэтому в текст заметки включили цитату из коллективного письма «заслуженных деятелей искусства». Среди «подписантов» оказался даже знаменитый писатель-фронтовик Виктор Астафьев, человек, чуждый всякой угодливости и коллективным «одобрямсам». Но «весь этот рок-н-ролл», скорее всего, был от него настолько далёк, что в данном случае каких-то сильных эстетических и нравственных противоречий Астафьев мог в письме не заметить, а уж о том,

как оно вмонтируется в кривомазовский материал, просто не знал. В общем, сибирские деятели искусства резюмировали так: «Многие из нас посвятили жизнь музыке, литературе, эстрадной режиссуре, и мы авторитетно заявляем, что пением выступление «Машины Времени» назвать нельзя».

Минули десятилетия, и некоторые из подписавших то письмо (а заодно и журналист Кривомазов) увидели, как в 1999 году президент России Борис Ельцин наградил участников «МВ» орденами Почета «За заслуги в развитии музыкального искусства».

Или вот другой сюжет из той же первой половины 80-х. Маститый маэстро Микаэл Таривердиев на одном из худсоветов, услышав «машиновский» хит «Кого ты хотел удивить?», поинтересовался у своих коллег: «Простите, пожалуйста, а кто эти молодые люди? У них есть художественный руководитель?» Ему ответили: «Да. Вот, Андрей Макаревич у них пишет песни». – «Он кто?» – «Архитектор». – «Ну, так пусть и занимается архитектурой. Давайте, каждый будет заниматься своим делом». На этом худсовет закончился.

Уважаемый Микаэл Леонович немного не дожил до момента, когда в 2003 году уже другой российский правитель – Владимир Путин – вручил именно музыканту, а не архитектору Андрею Макаревичу орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Из совсем современных амбивалентных реакций на «Машину» и ее рулевого есть замечательный пример. В 2015 году, когда группа попала почти под «совковый» пропагандистский прессинг в связи с тем, что общественная позиция и действия Макара и «МВ» опять не совпали с «линией партии», редактор газеты «Культура» в своей авторской колонке, оценивая творческий вклад в отечественное искусство некоторых не милых ее сердцу современников, пообещала, что плоды их деятельности «полетят в мусоропровод, как просроченный йогурт. А вот два десятка песен Макаревича останутся – невзирая на раннюю деменцию автора». Четыре года спустя та же женщина, что диагностировала у лидера «МВ» слабоумие («деменцию»), пригласила его в состав совета по культуре Госдумы (который возглавила) и в одном из интервью назвала «умницей».

Так и складывается кругами, как на гоночном автодроме, траектория «Машины Времени». От «Барьера» 70-х, где Макар высекал строчки-вопросы: «Ты был из тех, кто рвался в бой/И без помех ты с ходу брал барьер любой. Барьер любой/Любой запрет тебя манил/И ты рубил и бил, пока хватало сил, и был собой/Ты шел как бык на красный свет, ты был герой, сомнений нет/Никто не мог тебя с пути свернуть/Но если все открыть пути, куда идти и с кем идти?/И как бы ты тогда нашел свой путь?» До новейшей песни «Без названия», где он в принципе на всё себе ответил: «...Солнце с луной не менялись местами/Ночами не делались дни/Но как же послушно стали глистами/Бывшие братья мои/В зоне закрытой, богом забытой/Нас согрел и вел/Наш доморощенный, битый-побитый/ Но все-таки rock-n-roll/И что бы в те годы ни приключилось/Этот огонь был жив/ Мы не любили несправедливость/Мы не терпели лжи...»

«Простите, пожалуйста, а кто эти молодые люди? У них есть художественный руководитель?»

Ему ответили: «Да. Вот, Андрей Макаревич у них пишет песни». – «Он кто?» – «Архитектор». – «Ну, так пусть и занимается архитектурой. Давайте, каждый будет заниматься своим делом».

Глава 2

Свидетели «Машины»

Из тех, с кем тогда обязательно хотелось пообщаться, недосчитался троих.

НЕКОТОРЫЕ УЧАСТНИКИ «МВ» (НЫНЕШНИЕ И ПРЕЖНИЕ) СРАВНИТЕЛЬНО РАНО ВЗЯЛИСЬ ЗА МЕМУАРЫ, И У ФАНОВ ГРУППЫ СЕЙЧАС НАВЕРНЯКА НАКОПЛЕНЫ НЕПЛОХИЕ АРХИВЫ.

Там не только писательские труды Андрея Макаревича, Максима Капитановского, Петра Подгородецкого, но и масса блуждавших в СМИ воспоминаний людей, в разные периоды как-то причастных к группе. Так вышло, что одиннадцать лет назад я оказался первым автором без «машинистского» прошлого, написавшим развернутую биографию «МВ».

Из тех, с кем тогда обязательно хотелось пообщаться, недосчитался троих. Давно пропавшего без вести бедового клавишника «Машины» 80-х Александра Зайцева. К моменту сдачи книги в типографию появилась информация, что труп Зайцева (чуть-чуть не дожившего до своего 50-летия) нашли на берегу Волги в Ивановской области, и милиция предполагает, что его убили. Вскоре следствие подтвердило эту версию, назвав имена преступников. Не довелось достучаться и до одного из основателей «МВ», давно покинувшего родину Сергея Кавагоэ. В последнее время Кава, осевший в Канаде, находился в жесточайшем кризисе.

«Машинисты» контакт с ним фактически утратили. Существовал электронный адрес Сергея, на который я несколько раз отправлял послания, остававшиеся без ответа. А в начале осени 2008-го из-за океана пришло скорбное известие: Кавагоэ умер в ванной своей квартиры от острой сердечной недостаточности. Ему было 55.

С наиболее разбитным, эпатажным и, наверное, самым известным клавишником «МВ» – Петром Подгородецким ничего трагического благо не произошло. Он игрив и весел по сей день. Однако незадолго до того, как я приступил к написанию своей первой книги о «Машине Времени», Петя (уволенный из группы за пристрастие к... веселым порошкам) выпустил собственный скандальный опус «Машина с евреями». Тем, кто просто «запасается попкорном» и наблюдает за склоками, – откровения Подгородецкого, конечно, понравились. Сторонники «Машины» сочли их банальной мстью бывшим соратникам и во многом – преувеличением и враньем. А среди не то чтобы хейтеров, но без особой симпатии относящихся к «МВ» читателей сформировалось мнение, будто «Затяжной поворот» (так называлась моя книга) – это заказанный «машинистами» (или конкретно Макаром) глянцевого ответа на мемуары Подгородецкого, комментировать которые сами музыканты группы отказывались. Типа брезговали.

Дабы развеять сомнения скептиков, я предложил тогда Петру ответить на мои вопросы для книги, но он заявил, что в своей «Машине с евреями» все сказал и «больше этой темой не интересуется». То был период наибольшего напряжения и раздраженности между ним и «машинистами». Теперь все улеглось, остыло. «...и каждый пошел своею дорогой...» И продолжает ей идти. Подгородецкий исполняет в своих сольниках целый блок песен «МВ», а «Машина» иногда играет вещи, соавтором коих является Петр. И я с ним общаюсь, как прежде (до его ухода из группы). И если надо, о «МВ» он вновь готов разговаривать, хоть и без особого энтузиазма. Но во второй половине «нулевых» к «душевному» беседам о группе, где он фактически и стал узнаваемым музыкантом, Петя был не готов. К тому же заменили его тогда, словно назло, «попсовиком» Андреем Державиным, появление которого в «Машине» озадачило даже многих адептов команды. Однако исполнитель эстрадного шлягера «Не плачь, Алиса», лидер коллектива «Сталкер», продержался в «МВ» 17 лет. То есть дольше других клавишников группы. Потом с ним все-таки расстались. Тому был ряд причин, но «основная» (так мне ее обозначил Макаревич) звучит удивительно (после стольких-то лет сотрудничества!): «Все же Державин не вписался в наш коллектив. Он человек немножко другого склада. Не нашего. Очень мягкий, способный принять любую форму. Рано или поздно это начинает чувствоваться».

За несколько лет до снятия Державина с пробега из «Машины» вышел Евгений Маргулис. Гуля – одна из несущих конструкций харизмы этой группы, ее блюзовое настроение и особое концертное обаяние. Его, конечно, никто не увольнял, он ни с кем из «машинистов» не ссорился вдрызг. Женя просто почувствовал, что опять настало время заняться чем-то другим, своим. В его отношениях с «МВ» такое происходило неоднократно. При этом Маргулис

настолько неотрывен от «Машины Времени» в восприятии широкой публики, что и сейчас встречается немало людей, уверенных, что он по-прежнему в составе группы. Поскольку Женя давно ведет именную музыкальную программу на одном из федеральных российских телеканалов, его узнаваемость и число поклонников еще возросли. И накануне полувекового юбилейного тура «МВ» я не раз встречал в соцсетях реплики вроде этой: «О, к нам «Машина Времени» приезжает. Надо попробовать сделать селфи с Маргулисом». Но Гуля в данном юбилее «МВ» не участвует.

Помимо кадровых перемен минувшее десятилетие пополнило мемориальный список группы. Один за другим ушли в мир иной значимые для «МВ» люди, в разное время расставшиеся с командой, но до конца своих дней сохранявшие любовь к ней. Барабанщик «Машины» начала 70-х и ее концертный звукорежиссер с 1983 по 1994 год – Макс Капитановский. Его и в «нулевых» можно было нередко встретить в гримерке «машинистов» на их московских концертах. Последнее, что успел Макс незадолго до смерти, – выпустить в 2012 году документальный фильм «Тайммашин. Рождение эпохи», посвященный истории «Машины Времени».

Александр «Фагот» Бутузов – столичный тусовщик-«семидесятник», поэт, меломан. В советские годы был штатным чтецом-декламатором «Машины» времен программы «Маленький принц» и комсоргом группы. Это он познакомил молодого Женю Маргулиса с девушкой Аней, которая уже 35 лет является супругой Гули. Вывели Фагота из состава команды «за систематические нарушения режима и попадания в вытрезвитель». Это не повлияло на его хипповский уклад жизни. Хотя с возрастом Саша всё более замкнутое на своей собаке и прокуренной квартире существование в спальном районе Москвы. Практически перестал «выбираться» в центр. Но пришел в 2008 году на презентацию книги «Затяжной поворот» в известный книжный магазин на Лубянке, где вновь (после долгого перерыва) встретился с Макаром. В 2013-м Фагот скончался от сердечного приступа.

А пять лет спустя, весной 2018-го, не стало Владимира Сапунова – бессменного директора «Машины» с 1994 по 2017 год. Одновременно он занимал ту же должность в другой московской легендарной команде – «Воскресение», той, где пел и играл его младший брат Андрей Сапунов. «МВ» и «воскресники» столько лет шли по нашему рок-н-роллу параллельными курсами, что Сапунов-старший однажды предложил им отметить очередные их круглые даты совместным проектом «50 на двоих». И такой концерт состоялся даже в Кремлевском дворце. У Володи была мощнейшая жажда жизни. Суровая болезнь, приковавшая его в зрелом возрасте к инвалидному креслу, не погасила его энергетику. Он продолжал организовывать концерты двух именитых групп, выпускал книги своих стихов, а в 2014 году целая сборная российских рок-звезд записала диск его песен «Бег In The USSR», открывающийся темой «На паре крыл», разумеется, в исполнении «Машины Времени».

К счастью, и с Капитановским, и с Фаготом, и с Владимиром Сапуновым я обсуждал хронику «МВ» подробно и не раз. В отличие от Зайцева и Кавагоэ, их комментарии и размышления в этой книге есть.

Глава 3

Не важно как ты играешь, важно – что

В ту пору я хипповал.

ИЗОБРЕТЕНИЕ «МАШИНЫ ВРЕМЕНИ» ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ» БОЛЬШОГО, ОДНООБРАЗНОГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАЧАЛОСЬ В ТУ ПОРУ, КОГДА РАЗНОЦВЕТНЫЙ ЗАПАДНЫЙ МИР БУКВАЛЬНО ПЫЛАЛ ЭКСПРЕССИЕЙ И МАКСИМАЛИЗМОМ МОЛОДЫХ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ».

Во Франции продолжались страстные дискуссии о недавних студенческих волнениях в Париже, кому-то показавшихся отблеском новой революции. За океаном почти таким же революционным, только не агрессивным актом, стала устроенная в сельской местности штата Нью-Йорк «Вудстокская ярмарка музыки и искусств» – трехдневный гимн пацифизму, любви и психоделическим веществам. Акция, где вгоняли публику в транс, релакс, экстаз: Дженнис Джоплин, Джо Кокер, Карлос Сантана, Джимми Хендрикс, Grateful Dead, Joan Baez, Jefferson Airplane, Cream и еще десятки классных исполнителей, навсегда осталась эпическим собы-

тием в истории оупен-эйров. Британия в тот же момент знакомилась с «Led Zeppelin» и «Deep Purple», а группа «Битлз» – светоч 1960-х, напротив, доживала последние дни. Однако именно прогрессирующая «битломания» нескольких московских школьников: Андрея Макаревича, Юрия Борзова, Игоря Мазаева, Сергея Кавагоэ и быстро примкнувшего к ним Александра Кутикова, в 1969 году вывела на просторы СССР самодельную «Машину Времени», умудрившуюся с гиком (и весьма деликатным периодическим тюнингом) пронестись сквозь череду трансформаций современной музыки и вполне солидно вкатиться в наше настоящее.

Справедливости ради стоит упомянуть предтечу «Машины» – ансамбль «The Kids» и входивших в него Александра Иванова, Павла Рубена. Хотя это уж слишком глубокое бурение. Все же квинтет, упомянутый выше, более подходит на роль стартового состава непотопляемого российского бэнда.

«В старших классах, – рассказывает Макаревич, – я с одноклассником Женькой Прохоровым, царство ему небесное, писал какие-то стебовые стихи, чтоб не скучать на уроках. Иногда по строчке, иногда по строфе. Мы глумились над советской пропагандой. Пародировали ура-патриотические вирши. У меня где-то лежат три красиво оформленные тетрадки этих стихов, которые мы подписывали «Первое литературное объединение». Они ходили по рукам в классе и вызывали большую радость. «Люди к счастью идут, потому что в наш век все дороги ведут к коммунизму, чтобы мирно и счастливо жил человек, укрепляя родную отчизну...» Так вот и прочая хрень.

А с Мишкой Яшиным, другим моим одноклассником, мы пели бардовские песни, которых он знал великое множество. А я не знал. Но это было интересно, модно. Повсюду они звучали: в походах, электричках, во дворах. Визбор, Ким...

Параллельно мне нравилось какое-то кантри. Не Боб Дилан. Он коснулся нас позже, а что-то типа «Питер, Пол энд Мэри». В моем первом школьном ансамбле присутствовали две девочки, к одной из которых, Ларисе Кашперко, я был сильно не равнодушен, и мы старались красиво, на три голоса, петь всякую кантри-музыку.

За гитару я взялся, когда мой товарищ-десятиклассник Слава Мотовилов, странный такой, долговязый, нездоровый человек, месяцами проводивший лежа в постели, показал три аккорда на семиструнке, с помощью которых исполнил песню Высоцкого «Солдаты группы «Центр». На каникулы я взял у него ту гитарку и пару недель эти три аккорда долбал нещадно. Потом стал искать что-то самостоятельно. Играть на гитаре было престижно. Да и сам вид этого инструмента, его звук, запах мне очень нравились.

В ту пору я хипповал. Мы прочитали в журнале «Вокруг света» большой репортаж советского зарубежного собкора «Хождение в Хипплиндию», где он рассказывал, как попал в хипповскую коммуну, встретился с ее лидером, который посвятил его в тонкости идеологии хиппи. Нам это страшно понравилось. Идеологию приняли сразу.

Но еще раньше мы слышали «битлов», и тогда же к нам в школу приехали «Атланты», уже игравшие громко, на настоящих инструментах. Мы, конечно, рехнулись. Это был шок. Наша школьная группа играла на гитарах, выпиленных из фанеры, и подключалась к проигрывателю «Юность». На фоне «Атлантов» – это никуда не годилось. Тут уже была настоящая бит-группа.

А «Битлз» для нас являлись самыми главными. Часами после школы сидели с ребятами у меня дома, слушали музыку, пили портвейн и спорили до хрипоты, вот, кто эту песню поет – Леннон или Маккартни, и вообще, «Битлз» это или не «Битлз»? Ведь масса записей к нам попадала случайно. Переписываешь у кого-то бобину, черт знает, что на ней записано, какие-то группы... Три там голоса или два, каков расклад по инструментам... До драк практически доходило при выяснении этих фактов.

Одноклассники и прочие школьные знакомые, не помешанные на «битлах», для нас не существовали и проходили мимо. Но мы, наверное, вызывали у них какую-то смесь уважения

и восхищения, поскольку пребывали в совершенно своем мире и разговаривали о чем-то им неведомом. Каждый день собирали по крупицам информацию. Например, «битлы» записали пластинку «Сержант Пеппер». Нам она поначалу не очень понравилась, как и тогдашние усы и костюмы «битлов».

Какого черта они нарядились? Но уже на третий день мы «въехали» в этот альбом абсолютно. Поняли, что эта музыка не для концертов, а для медитации. У нас вообще случился ужасный конфликт в своем кругу. Ребята хотели играть битловские вещи, а я объяснял, что это невозможно, ибо «Битлз» слишком хорошо поют. В нашем варианте получится отвратительно. Надо играть «роллингов», потому что они поют примерно как мы, и у нас выйдет похоже. Поэтому «роллингов» или «Monkeys» мы играли тогда значительно больше.

Передовая информация долетала до нас с опозданием. О «Вудстоке-69» мы узнали где-то в 70–71 гг. от Стаса Намина. Слушали выступавших там артистов с утра до ночи, но к «битлам» все равно не остыли. Мы ими еще не наелись.

Колоссальным толчком стало появление в нашей компании Кавы. У него были две настоящие электрические гитары и маленький усилитель. С их помощью извлекался звук, который мы слышали на фирменных пластинках. Там даже имелось тремоло. Это сводило с ума. Я мог просто с утра до ночи сидеть и дергать за струны».

К 71-му у «Машины» уже накопился определенный авторский материал. Ее репетиционная база переместилась из школьных помещений в культовый для столичного рока ДК «Энергетик», в состав команды влился Александр Кутиков, а Макаревич, пойдя по стопам отца, поступил в Московский архитектурный институт (МАрхИ), где его и повстречал будущий лидер другой знаменитой столичной рок-группы «Воскресение» Алексей Романов. Точнее, он приметил Макара «с прической «воронье гнездо» – а-ля Боб Дилан» еще раньше, когда часто пересекался с ним в вагоне метро, следуя по одной ветке от «Фрунзенской» до «Кропоткинской». Но познакомились они только в институте.

«В архитектурный Макар поступил на год позже меня – вспоминает Романов. – У нас там уже существовала группа. В МАрхИ вообще было до фига команд. Две на нашем курсе, курсом старше еще одна – «Вечный двигатель»... И вот я с удивлением увидел во дворе института того самого парня, которого приметил ранее в метро. Он сидел на портфеле и что-то вышлепывал ладошками. А у нас в группе барабанщика не хватало. Я вежливо предложил ему присоединиться к нам, но он ответил: «Извините, я уже играю в группе. Большое спасибо». Но знакомство завязалось, и с тех пор мы общаемся.

Для репетиций в институте нам предоставляли актовый зал. Андрей иногда туда заглядывал послушать. Настал момент, когда там выступила и «Машина». Сережка Кавагоэ играл на органе, Игорь Мазаев на басу, Юра Борзов на барабанах и Макар на гитаре. Исполняли что-то из «Сержанта Пеппера». Они произвели приятное впечатление. Тогда, важнее было не как команда играет, а что именно.

Но вообще у «МВ» – отдельная история, не вузовская. Скажем, мы со своей командой являлись такими институтскими разгильдяями. Игра на гитарах была для нас таким же времяпрепровождением, как питье пива, разговоры о джинсах, футболе, девчонках. Концерты ведь проводились во всех институтах каждую неделю. Оставалось выбирать куда пойти – на «Рубиновую атаку» («на «Рубинов»), предположим, или на «Скоморохов»... Самостоятельную, целенаправленную творческую деятельность в то время мы не вели. Просто из любопытства иногда что-то сочиняли. Вытаскивать это на сцену даже в голову не приходило. Мы могли в состоянии подпития с закадычными друзьями поделиться чем-то, что варилось в нашей «кастрюльке». Дальше кухни это никуда не шло, и выкинуть было не жалко. А у Макара, по-моему, сразу возникло четкое понимание, чего он хочет. Он выглядел целеустремленнее всех, кого я знал в студенческо-музыкальной тусовке.

Мне запомнился один из сольников «Машины» в том же актовом зале – он был сидячим. До этого в МАрхИ все выступали в основном на верхнем этаже, в выставочном зале. Проще говоря, на танцах. И «Машина» там играла какой-то хороший западный, попсовый, в сущности, материал. Но вдруг они сделали такую программу, чтобы люди просто сидели и слушали. Оказалось, у них достаточно собственного материала, который канает именно как концертный, а не танцевальный. Это было событие. По-русски, оказывается, и так можно петь!

Мне кажется, Андрей во многом задал фасон всего русского рока. Ранние вещицы «МВ» – «Продавец счастья», «Солдат», «Миллионеры» формально выглядели вполне зрелыми композициями. Не беру сейчас их стилистику, идеологию – не мое дело. Но как «штучка», хит, изделие, они являлись готовым продуктом. Вполне оформленная аранжировка, взаимодействие куплетов, исполнительская подача – все было найдено. Мера агрессии, мера меланхолии,

своеобразная блюз-роковая платформа, какое-то количество кантри, которое Андрей достаточно серьезно изучал. Прямо такое махровое кантри. Не прилизанный фолк, а «стариковские» заунывные баллады с расстроенным банджо. Помню, у Макара имелось несколько пластинок американских исполнителей абсолютно деревенской такой музыки, не относившейся ни к кантри-вестерн, ни к блюграссу. Она смахивала на каторжные темы, штатовский шансон.

«Мы все еще находились тогда на низшей ступеньке исполнительского мастерства, – откровенно констатирует Макаревич, – говорить о каком-то нашем уровне было бессмысленно, но мы уже представляли, как надо делать».

Это весьма принципиальный момент. О том, что «Андрей задал фасон русского рока», говорит не только его сверстник Романов. Многие российские рок-музыканты следующего за «Машиной» поколения подчеркивают, что поверили в потенциал русскоязычного рок-н-ролла, именно когда слышали «МВ». Но Макар – не абсолютный первопроходец на этом поприще. Да, интуитивно он быстро понял, куда нужно двигаться, но рядом уже играли музыканты, на которых можно было ориентироваться.

«Однажды у нас появился 20-ваттный усилитель «Ace tone», – говорит Макар. – Об этом, видимо, быстро прознал Александр Градский, и блестящий барабанщик Юра Фокин, игравший с ним тогда в «Скоморохах», как-то сказал нам: «Если хотите послушать лучшую группу страны, подъезжайте тогда-то к дому Градского на Мосфильмовской улице, сядем вместе в «рафик» и поедем на концерт в Долгопрудный. А вы же дадите нам воспользоваться вашим аппаратом?» Мы, конечно, с радостью согласились. В Долгопрудном, к слову, было самое безопасное место, 8-я столовая, кажется, называлось, при институтской общаге. Там сейшена всегда заканчивалась хорошо. Менты туда не приезжали.

И вот послушав «Скоморохов», я понял, что нужно писать песни на русском. Первые мои опыты вышли совершенно нелепыми: печальная, безысходная лирика. Чудовищные тексты, как я теперь понимаю. Благо не многие из них сохранились. Но довольно скоро появились и какие-то ёрнические вещи типа «Я с детства выбрал верный путь».

В начале 70-х в Москве было полно рок-команд недостижимого в нашем восприятии уровня. Те же «Скоморохи», «Атланты», «Скифы», где фантастический гитарист Дюжиков один к одному снимал Элвина Ли... Периодически они играли то в «Синей птице», то во «Временах года». Нас туда по юности не пускали, но мы все равно как-то прорывались.

Постепенно выяснилось, что, хотя наше святое братство прекрасно, чтобы быть группой, надо еще уметь играть. У кого-то в «МВ» с этим делом обстояло хуже, у кого-то лучше. У кого-то не получалось совсем. Кавагоэ, например, за годы, проведенные в «Машине», перепробовал едва ли не все инструменты. Когда нам не хватало басиста, он играл на бас-гитаре. Находили басиста, он садился за орган, потом стал барабанщиком. Это вполне объяснимо. До определенного момента мы все-таки стремились сохранить нашу атмосферу, взаимопонимание, что было важнее привлечения в группу постороннего человека пусть и более профессионального.

Глава 4

Три гордых «К»: Кавагоэ, Кутиков, Капитановский

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ МАКАРЕВИЧА ПОСТЕПЕННО РАЗБАВЛЯЛА ЧИСТЫЙ РОМАНТИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППЫ. В «МАШИНУ» ПОДСАЖИВАЛОСЬ ВСЕ БОЛЬШЕ ПОПУТЧИКОВ, КОТОРЫХ ОЦЕНИВАЛИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПО ИХ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМУ УРОВНЮ (ИЛИ «ДЕФИЦИТНЫМ» ОПЦИЯМ: НАЛИЧИЕ ХОРОШЕГО ИНСТРУМЕНТА, АППАРАТА, РЕПЕТИЦИОННОЙ ТОЧКИ И Т.П.), А НЕ ТОЛЬКО ПО СТЕПЕНИ КОММУНИКАбельНОСТИ И МУЗЫКАЛЬНЫМ ПРИСТРАСТИЯМ.

Пожалуй, последний, кто влился в состав «МВ» (и превратился в ее фундаментального участника) без малейшего рационализма, – Александр Кутиков. Он и сам не вполне понимает, почему так произошло. «Одному Богу известно, как я в 1971 году попал в «Машину», – рассказывает Саша. – Думаю, просто компания понравилась. Все были битломанами. И особой «мажористости» я у них не заметил. Собственно, я сам принадлежал к тому же «сословию». Только жизненные обстоятельства в определенный момент существенно изменили мой быт. До 7 лет я жил в отдельной 4 комнатной квартире на Патриарших прудах. Дедушка мой являлся большим административным работником. Когда он развелся с моей бабушкой, эту квартиру разменяли. Все разъехались по маленьким комнатам. Мы с мамой и сестрой поселились в коммуналке – сначала в Большом Козихинском переулке, затем на Малой Бронной. После того как у меня были няньки, пайки, попасть в коммуналку, где еще 11 соседей, это шок, конечно.

Но дело же не в том, к какому социальному кругу относишься. Имело значение, что ты знаешь, умеешь, как смотришь на мир, страну, систему. Я с «машинистами» в этом смысле был очень близок.

Например, в 16 лет я являлся секретарем комсомольской организации в школе и по собственной инициативе написал заявление о выходе из ВЛКСМ. Комсомольский билет подарил на память маме. Она восприняла ситуацию философски. Если сын так выразил свое отношение к советской жизни, значит и такое возможно в нашей семье.

Дедушка, правда, очень расстроился, поскольку это могло помешать карьере, которую он для меня прогнозировал. Я поступил в военно-механический техникум министерства обороны. Предполагалось, что скоро надену мундир или стану специалистом по приемке изделий в области радиолокации на каком-нибудь оборонном отечественном предприятии. Но я забросил этот техникум очень быстро. Стать военным или работником «оборонки» меня абсолютно не привлекало. Интересовали современная музыка и игра в рок-группе. Поэтому я устроился звукооператором в радиокомитет».

Определенные этические нестыковки с «машинистами» у Александра на первых порах все же возникали. Макар запомнил, как в группе «страшно глумились над Кутиковым, например, потому, что он приводил на репетиции девушек, дабы те сидели в углу и смотрели, как

он красиво играет на бас-гитаре. Для нас это было западло. Мы его гнобили: что же ты, мол, дешево святое продаешь. Остальные себе такого не позволяли. Да и времени на девочек не оставалось. Хватало осознания того, что мы им нравимся». Кутиков реагировал на подобные подтрунивания спокойно и считал, что выполняет почти просветительскую миссию, поскольку давал юным леди шанс глубже познать подпольную советскую рок-музыку. И вообще, Саша приводил не только зачарованных девушек. Осенью 1971-го «МВ» лишилась сразу двух своих исторических участников. Басиста Игоря Мазаева забрали в армию, а Юрий Борзов ушел сам. «Юрка был нашим идеологом, любимым человеком, самым одухотворенным битломаном, – говорит Макар. – Но с барабанами он не справлялся. Не каждому дано. У него постоянно что-то падало: то тарелка, то палочки, то ведущий барабан распадался. И он покинул группу. А едва ли не на следующий день Кутиков привел к нам Макса Капитановского, у которого имелась сумасшедшая барабанная установка, и до этого он играл в группе «Второе дыхание». Они там снимали Хендрикса один к одному и были страшно техничными. Получалось, что ради нас Макс бросил такую классную группу! Мы стали равняться на него».

В своих воспоминаниях «Все очень просто» Макаревич отметил: «Мы заиграли, и сразу стало ясно, что Макс своими барабанами делает ровно половину всей музыки – причем именно ту, которой нам не хватало». Однако Капитановский расстался с мастеровитым «Вторым дыханием» не потому, что безумно хотел укрепить начинающую «Машину». Ему в тот момент фактически деваться было некуда.

«Из троих участников ансамбля «Второе дыхание» я один работал, – рассказывает Макс. – Вечером учился в МГУ, днем ходил на работу. Игорь Дегтярюк и Николай Ширяев ничего не делали. И вдруг нарисовалась популярная эстрадная певица Тамара Миансарова, предложившая «Второму дыханию» влиться в ее аккомпанирующий коллектив. Она преследовала свои цели, а нам сулила гастроли, деньги, горы золотые. Я отказался, объяснив: если брошу работу, меня тут же заберут в армию. Я ведь устроился в «почтовой ящик» ради брони. Дегтярюк и Ширяев убеждали, что это очень перспективное предложение. Но я не повелся. И в один прекрасный день пришел на репетицию, а там нет ни аппаратуры, ни «Второго дыхания». Они решили, что прощание в этом случае – только лишние слезы, и ушли к Миансаровой без меня.

Тут мне позвонила девушка. Имя ее уже не помню. Она у нас была общая на всех, в том числе и на «Машину Времени». Одна из любительниц рока. Приходила на наши сейшены и уходила после них то с одним, то с другим музыкантом. Тусовочные девчонки тогда вообще все были общими. Звонит, значит, и спрашивает: «Когда у вас следующий концерт?» Я отвечаю: «Не знаю. Ребята уехали с Миансаровой, а я теперь сам по себе...» – «Понятно, – говорит. – А давай, я сейчас Сашке Кутикову звякну, по-моему, у них там с Юркой Борзовым проблема...»

Я, конечно, «машинистов» знал, потому что все мы в «Энергетике» репетировали. Но отношений тесных не поддерживал и телефонами с ними не обменивался. В общем, предложение ее выглядело сомнительно. Но Кутиков перезвонил мне фактически сразу. И на следующий день я перенес свои барабаны из одной комнаты «Энергетика» в другую, где базировалась «Машина». Первые дни я находился в «МВ» по инерции, что ли. Надо же было где-то практиковаться. Но постепенно мы стали больше общаться, планы какие-то появились, совместная работа сложилась. Я увлекся и нисколько об этом не жалею. В определенный момент я играл с «Машиной» целую программу. Когда к очередному юбилею группы издали большую антологию «МВ», в нее включили и некоторые старые записи – «Продавец счастья», «Очки с розовым стеклом», парочка англоязычных вещей, где звучат мои барабаны. Мы даже репетировали какую-то песню моего сочинения, но она не прижилась».

Отказ бросить «почтовый ящик» и пойти к Миансаровой все равно не уберег Капитановского от попадания в армейскую казарму. Его отправили туда из-за весьма мутной идеологической, но не касавшейся рок-музыки ситуации. И бронь не помогла. Заслали максимально

далеко – на советско-китайскую границу. «МВ» опять осталась без барабанщика. Когда после полугода службы Максу неожиданно предоставили отпуск и он заглянул в Москву, за барабанами в «Машине» уже сидел Кавагоэ. И позже, «отдав долг родине», Капитановский увидел ту же картину: на барабанах по-прежнему играл Кавагоэ. «И как я мог вернуться в группу при таком раскладе? Сказать Каве – пошел вон отсюда!? Мне «машинисты» нового предложения не сделали, а сам я постеснялся предлагаться. Они там все горели, планы у них какие-то были обширные...

Впрочем, и у меня нарисовалось немало возможностей. В армии я много занимался в ансамбле, у нас там подобрался сильный состав. Вышел оттуда готовым профессиональным музыкантом. Меня сразу выхватили «Добры молодцы». Еще во время службы я получил приглашение и от «Веселых ребят», которые приезжали в те края на гастроли...

В качестве музыканта Капитановский в «Машину» никогда больше не возвращался, зато по иронии судьбы во второй половине 74-го в «МВ» ненадолго заглянули его бывшие партнеры Сергей Дегтярюк и Николай Ширяев, те, что покинули когда-то Макса ради Тамары Миансаровой. Дегтярюка, судя по свидетельствам очевидцев, пригласил в «Машину» Кава, чуть раньше разругавшийся с Кутиковым настолько, что тот свалил в «Високосное лето».

«Не сказал бы, что причиной моего ухода стали исключительно конфликты с Кавой, – рассуждает Кутиков. – Скорее речь о каких-то общих противоречиях, возникших в группе.

В той истории меня не устроило то, что Кава «в 24-й раз», как я это сказал тогда, собирался поступать в институт и из-за этого мы не могли поехать на юг, в международный лагерь «Буревестник», чтобы поиграть там музыку, которая нам приятна, при этом отдохнуть и, может, найти что-то новое. Сергей поступал в вузы постоянно. Поступал и бросал их. На одном из наших общих собраний я повторил, что считаю бессмысленным то, чем он занят. «Зачем заново куда-то поступать, если можно просто учиться в тех вузах, куда ты уже поступил раньше. Но надо тогда посещать занятия, сдавать экзамены. А ты на лекции не ходишь, экзамены не сдаешь и поэтому тебя вышибают. Зачем опять тратить время на то, что в резуль-

тате приведет к тому же результату? Ты снова не будешь учиться, тебя опять вышибут, а мы сейчас из-за тебя потеряем летний сезон.

Причем речь не о деньгах шла. В «лагерях» мы играли бесплатно. Нам было интересно. Там, кроме советских студентов, отдыхали и иностранные. Играть для них – иная история. Они по-другому реагировали, слушали. Если они нас принимали хорошо, значит, мы чего-то начинали собой представлять. «Машина» же исполняла очень много западной музыки. Скажем, в 1972-м, когда мы впервые поехали в «Буревестник», процентов 80 репертуара, даже больше, составляли у нас песни разных зарубежных звезд. Хороший прием там давал дополнительные моральные силы и для того, чтобы делать свои песни.

И конечно, концерты в летних лагерях приносили группе большую известность. Все студенчество, московское, питерское и из других городов Союза, съезжалось в район этих лагерей, в поселок Вишневка. Там были три международных лагеря, и в каждом играла какая-то группа. Это был фантастический промоушен! Ведь основу нашей подпольной работы в течение года составляли выступления на студенческих вечеринках, в студенческих кафе. Успешные бесплатные выступления в «Буревестнике» обеспечивали нас заказами на весь предстоящий сезон.

В нашем с Кавой конфликте Макар, как всегда, молчал. Примирить нас он не пытался. А Сергей, с характерной для него категоричностью, еще и обострил проблему. Выдвинул ультиматум: либо я, либо он. Я ответил: раз вопрос ставится так, то поскольку я пришел к вам в группу, а не наоборот, то я от вас и уйду. Совершенно спокойно сказал. И ушел в «Високосное лето».

Впрочем, вскоре я вернулся. И мы немного проиграли в составе: я, Макар, Кава, Алик Микоян, Игорь Саульский. Еще с нами был Леха, как мы его называли, игравший на всякой перкуссии. Блестящий состав. И отношения у нас сложились хорошие. Помню, как вместе встречали 1974-й и впервые проявили чудеса кулинарного искусства. У Лехи уехали родители. А жил он в большой пятикомнатной квартире, в старом доме. Решили отмечать Новый год у него. Купили ящик итальянского вермута, продуктов разных, и, когда часиков в шесть вечера 31 декабря выяснилось, что девушки, приглашенные нами в качестве подруг, абсолютно не умеют готовить, мы втроем, Макар, я и Игорь Саульский соорудили весь праздничный стол. Получилось вкусно».

Глава 5

Спел, запил, пропал

Я был в «Машине» свободным вокалистом, то есть просто стоял на сцене с микрофоном.

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х В СОСТАВЕ «МАШИНЫ ВРЕМЕНИ» ПРОИСХОДИЛА, ПОЖАЛУЙ, САМАЯ ИНТЕНСИВНАЯ И СПОНТАННАЯ РОТАЦИЯ.

В группу приходили разные по классу, стилистике, личной истории музыканты. Надолго не задерживались, но успевали оставить отчетливый штрих в звучании коллектива. Эдик Азрилевич, Алик Микоян (двоюродный брат Стаса Намина), Игорь Саульский (сын композитора Юрия Саульского), даже легендарный уже тогда барабанщик Юрий Фокин поиграли в «МВ». Хорошей практикой для «машинистов» стало и участие в совместных концертах «на югах» и в Москве с тогдашним супербэндом «Лучшие годы», сформированным из ведущих столичных рок-музыкантов.

«Где-то в 1973-м перед нами открылась очередная поляна музыки, – говорит Макар. – С нами играл Игорек Саульский, а он был музыкантом совсем продвинутым и ежедневно знакомил нас со свежими записями. То Элтона Джона притаскивал, то Стиви Уандера, то Сантану. Все это влияло на нас невероятно. Мы тут же начинали сочинять какие-то вещи, используя только что услышанные элементы».

Когда Саульский-младший, а затем и Микоян завершили свое сотрудничество с «МВ», в группу неожиданно влился... Алексей Романов. Тот самый приятель Макара по архитектурному, когда-то приглашавший лидера «Машины» в свою команду. И вот они сошлись-таки в одном проекте. Здесь трансформация самой долговечной рок-группы страны могла, на мой взгляд, совершить любопытнейший поворот. Удержись будущий лидер «Воскресения» в «МВ», группа, возможно, получила бы в дальнейшем контрастный авторский «сдвоенный центр» Макаревич— Романов, который, если не отступать от «битловских» аналогий, на отечественном уровне смахивал бы на тандем Маккартни— Леннон. Но и Алексей, как многие до и после него, проскочил через «Машину» быстро... «У меня в институте сложилась репутация вокалиста, – вспоминает Романов. – Видимо, оттого, что я достаточно громко и нахально пел всегда и везде – в компаниях, на институтских вечеринках... Репертуар был достаточно обширный: «Битлз», «Манкиз», «Криденс»... Однажды меня где-то услышал Кавагоэ и принял определенное решение.

Это свойство его характера. Самурайская, вероятно, черта: мыслить стратегически, что-то замышлять и добиваться своей цели. Не скажу, что Кава обладал каким-то особенным художественным мышлением, но интригу создавал мастерски.

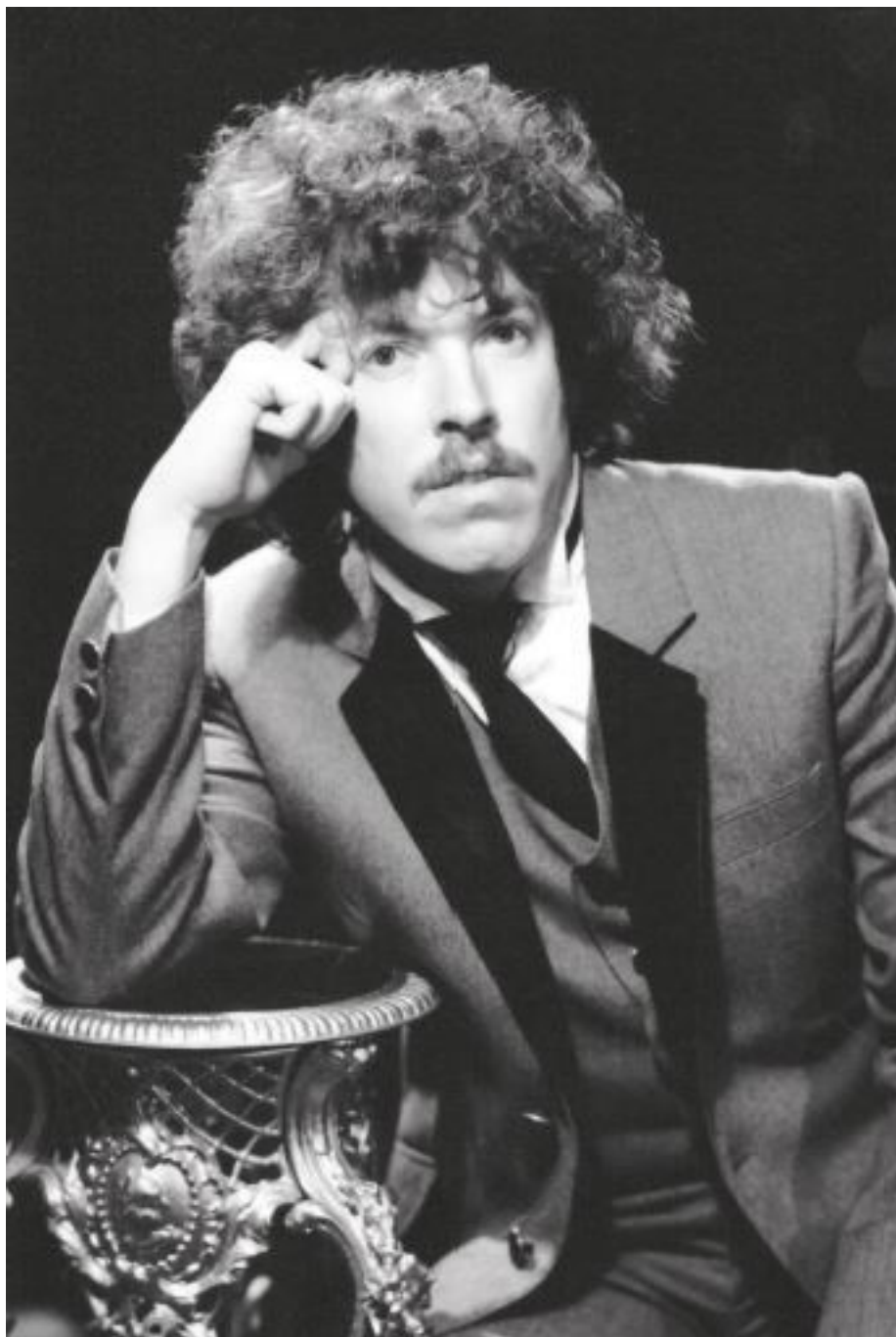
Знаешь, что прикольно в моем случае? Инициатива исходила от Кавагоэ (это, правда, позже выяснилось), но пригласил меня в «Машину» Макар. Как-то он ко мне подошел и сказал: «Честно говоря, при всей своей неповторимости, пою я скверно. Не хочешь ли прийти к нам в группу вокалистом?» Кава его, видимо, сумел зачморить, уговорить найти другого фронтмена. С Сережкой хорошо было отдыхать. Он ужасно смешной. Но работать с ним следовало осторожно. Ты легко клевал на его идею, а через мгновение чувствовал, что тобой уже манипулируют.

На предложение Макара я нагло согласился. У меня какие-то свои песни, кажется, уже имелись, но это все ерунда. В «Машине» я их не исполнял. На репетициях иногда показывал, но до включения их в репертуар группы не доходило, а я и не настаивал. Материала у «Машины» и так хватало. Мы довольно плотно репетировали. Нужно было притереться друг к другу, тональность для меня во многих песнях была достаточно высоковатой, я буквально усирался. Но кое-как справлялся. Во всяком случае, считал, что сдюживаю. Это был хороший тренинг. Я учил тексты, мелодии, ритмические нюансы, особенно с приходом из «Високосного лета» Сашки Кутикова. У него было очень много каких-то теоретических клише, уже почти профессиональный подход к делу, осознанные требования к исполнительству, и, естественно, на меня все это свалилось.

Я был в «Машине» свободным вокалистом, то есть просто стоял на сцене с микрофоном. Вернее, выделял разные коленца, «работал Элвисом». В «МВ», кстати, ни до, ни после меня освобожденного вокалиста не было.

Поначалу, помнится, фантастический мандраж испытывал. Наша репетиционная база располагалась на текстильной фабрике «Красная роза» имени Розы Люксембург в Хамовниках. И первый мой концерт с «Машиной» состоялся именно там. Народу немного собралось, фабричная молодежь, но пришел сам Алик Сикорский из «Атлантов». А меня колотило так, что я стаканом в зубы себе не попадал. Жутко распахивался. Хотя, кроме меня, этого никто вроде не заметил.

Я пел «Флаг над замком», классную вещицу «Битое стекло» («Нас манили светлые вершины...»), очень вкусный «тяжелая» – «Дай мне ответ» («Как много дней ты провел среди друзей, пока не понял, что ты совсем один...»), «Я устал»... Когда появился «Хрустальный город», я уже набрался опыта и исполнял его на сцене в психоделическом угаре. Пришла полная внутренняя свобода. Я откровенно перся от самого процесса. Свое кино какое-то во мне крутилось. Через некоторое время почувствовал истерию публики, когда приходилось после концерта продираться сквозь толпу чуть ли не по головам. И в этот момент мне вдруг интереснее стало выпивать, чем репетировать. К творчеству я остыл и потихоньку начал отстраняться от группы.

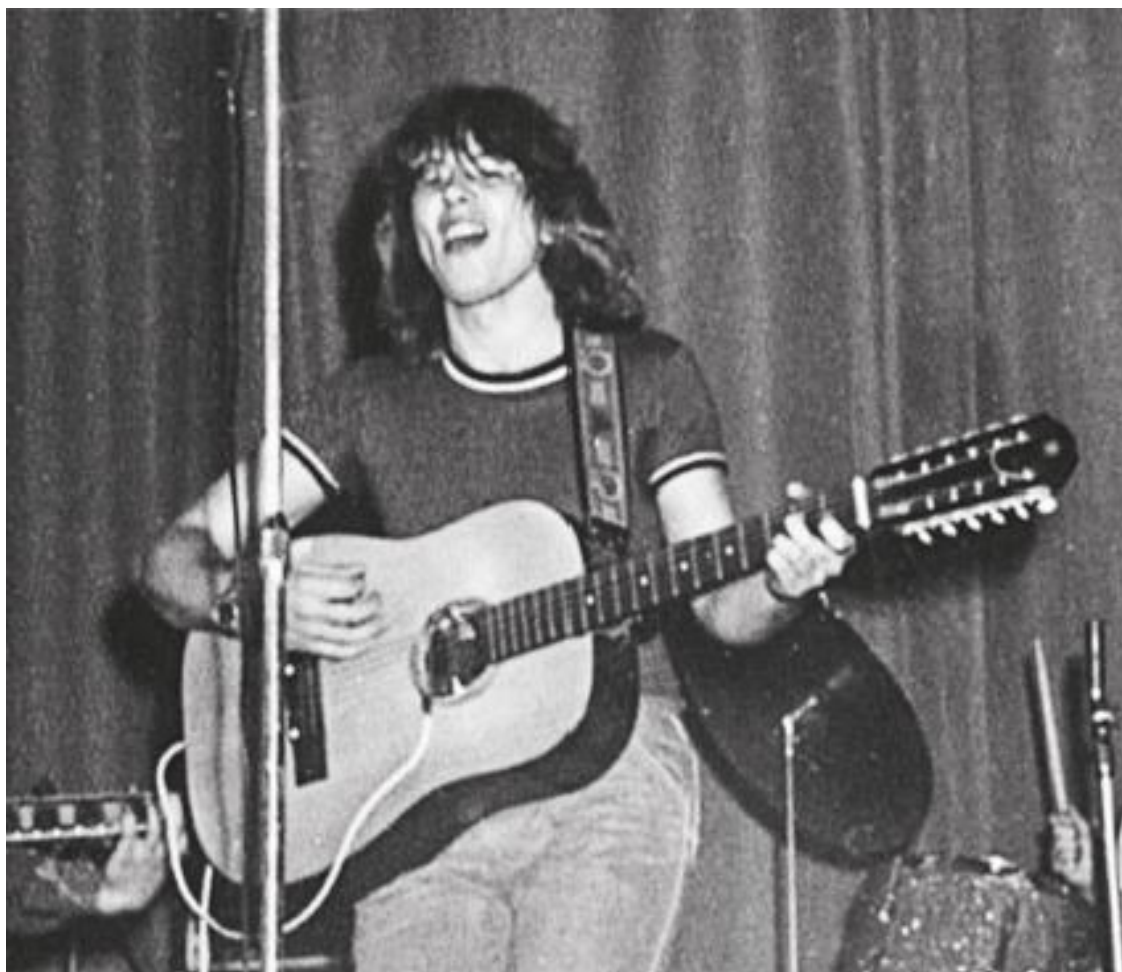
Моя первая жена тогда меня бешено ревновала ко всему, связанному с музыкой, концертами, тусовками, и у нее были проблемы с алкоголем. А я еще настолько незрелым себя чувствовал, что ничем помочь ей не мог. Когда общий разлад в моей жизни – с супругой, с институтом (откуда нас, кстати, изгоняли вместе с Макаром) достиг какого-то пика, я решил, что можно чем-то пожертвовать, и пожертвовал «Машиной Времени». Сперва пропустил пару репетиций, а затем пропал наглухо. Находился в алкогольном клинче. В 23 года он физически переносится достаточно легко, но психика, думаю, у меня была порядком изуродована к тому времени. Да и клялись мы черт знает что. Эрзац портвейна. Некоторые из тех напитков оказывали просто фантастическое нервно-паралитическое воздействие. Тот же «Агдам». Там крепость 20 градусов и сколько-то процентов сахара. Настоящее пиратское пойло. Башню сносило на фиг. Не надо вашего героя... Деградация происходила с первого стакана. А «Сахра»!

Из разряда рвотно-удушающих... Ее пили от полной безысходности.

Макар меня все же умудрился разыскать в тот период. Приехал ко мне домой. Мы с ним вышли на улицу, пообщались. наших личных отношений произошедшее никак не касалось. Я никого в группе не проклинал, не возненавидел... Мне просто внутренне стало невозможно продолжать выступать с «Машиной». Я не могу это прокомментировать. Так вышло».

Мне посчастливилось в 1979-м вписаться на один из первых московских сольников «Воскресения» в актовом зале проектного института на улице Павла Корчагина. Знатоки постарше, среди различных слухов, ходивших в тусовке, обсуждали там и песню «Дороги наши разошлись», авторами которой являются Романов и Евгений Маргулис (он к тому моменту тоже успел поиграть в «МВ»). Почти все фаны утверждали, что это «скрытый ответ «Машине» и лично Макару». Спустя массу лет я напомнил о той легенде Алексею, и он довольно улыбнулся. «Клево, что ты про это вспомнил. Тогда существовала своеобразная игра. Внутри богемы рождалась некая мифология. Казалось, что вот эти небожители, то бишь музыканты, весь этот советский или антисоветский рок – одна большая семья или экипаж какого-то космического корабля, где происходят невероятного морального накала разборки политики, нравственности, внутрицеховой этики. Это было важно для публики. Однако ни Ситковецкий, скажем, ни Макар, ни Матецкий, ни я или еще кто-то из музыкантов всерьез так не думали, хотя о слухах знали. Уходит из «МВ» Маргулис, а у Макаревича появляется новая песня с какими-то якобы намеками. Ага, народ начинает говорить, это он про Маргулиса. Да фигя с два! И «Дороги наши разошлись» – отнюдь не про Макара. Песня про девушку».

Когда общий разлад в моей жизни – с супругой, с институтом (откуда нас, кстати, изгоняли вместе с Макаром) достиг какого-то пика, я решил, что можно чем-то пожертвовать, и пожертвовал «Машиной Времени».

Глава 6

«Вот и весь Хендрикс, ептыть...»

«Объяснить, почему я вас не оформляю на работу, или сами поймете? Что у вас записано в пятом пункте анкеты? Еврей...».

НА ЭКВАТОРЕ 70-Х С «МВ» ПРОСТИЛСЯ НЕ ТОЛЬКО РОМАНОВ.

Неожиданно из группы опять ушел Кутиков, получивший заманчивое предложение от Тульской филармонии поиграть в местном ансамбле за официальную зарплату, на хорошей аппаратуре и с перспективой ввести в репертуар некоторые кавер-версии западных рок-хитов. «Машинистам», правда, показалось, что Саша устремился к филармоническим хлебам главным образом потому, что в тот момент милиционеры всерьез могли привлечь его по статье «за тунеядство» и ему требовалось положить куда-то свою трудовую книжку.

«Тем летом я уволился из радиокомитета, чтобы на пару месяцев поехать с «Машиной» работать на юг, – вспоминает Кутиков. – Мне давали только официальный отпуск. А второй месяц отдыха «за свой счет» никто предоставлять не собирался. В силу своего характера я сказал: ладно, тогда до свидания, и ушел с работы.

Съездил с группой на юга, а затем попытался устроиться звукооператором в другое место – на киностудию Минобороны. Мой дед имел в свое время косвенное отношение к этому ведомству, был управляющим делами наркомата авиационной промышленности. Все шло к тому, что я там трудоустроюсь.

В цехе звукозаписи меня ждали, создали соответствующую штатную единицу. Я прошел проверку, сдал какие-то экзамены. И вдруг началась странная история. Больше трех месяцев меня мурыжил отдел кадров. Подробности опушу, но было весьма неприятно. Потом появились милиционеры с намеками на мое тунеядство. Заметили, что я вроде давно нигде не работаю, хожу лохматый, личность в районе известная... Оказалось, проблемы мне организовал полковник, возглавлявший тот самый отдел кадров. Когда я пришел к нему, он без особого смущения сказал, глядя мне в глаза: «Объяснить, почему я вас не оформляю на работу, или сами поймете? Что у вас записано в пятом пункте анкеты? Еврей...». Хотел ему пресс-папье залепить по башке со всей дури. Но сдержался.

На киностудию так и не устроился. Зато получил приглашение от Тульской филармонии. И ушел из «Машины» без всяких конфликтов. Просто ушел, и все. Мне было интересно попробовать, что такое профессиональная сцена. Там я научился многому из того, что отсутствовало в московском рок-андеграунде. Скажем, умению правильно выстраивать репетиции. Да и приятно же, когда тебя приглашают из самодеятельной группы в профессиональную».

Макаревич считает, что если историю «МВ» и делить на какие-то этапы, то первый закончился в 1975-м. Вероятно, так и есть.

За шесть самых романтических, наивных, бескомпромиссных, бесребренческих лет своего существования «Машина» отъехала на приличное расстояние от места, с которого стартовала. Разные «монстры» столичного рока «палеозойской» эры, что прежде виделись «машинистам» полубогами, так, в сущности, со всем своим исполнительским умением, на порядок превосходившим квалификацию основных участников «МВ», на прежних позициях и остались. Добротные копиисты, версификаторы англоязычного рока, без собственного языка и идей, они постепенно отступали на второй план и в воспоминаниях аксакалов московской тусовки. А за «Машиной Времени» пошли тысячи поклонников. «Марионетки» и «Черно-белый цвет» в 75-м стали всесоюзными хитами, хотя у группы еще не появилось не только какого-нибудь официального «миньона» (про диск-гигант и речи не шло), но даже качественно записанного магнитоальбома. И выступала она лишь в Москве и ближайших окрестностях. Однако слово, интонация, предложенные «Машиной», оказались универсальными для молодежи 70-х и нигде более в ту пору в родимом роке не звучали.

Отдельным достижением «МВ» стало попадание самого раннего хита группы – «Ты или я» в блестящую кинокомедию Георгия Данелии «Афоня». Мало того, что это был прецедент выхода на всесоюзный экран композиции самодеятельной рок-команды, так еще и гонорар «машинистам» выписали солидный. «Данелия купил у нас две песни, поскольку, видимо, хотел нам заплатить – говорит Макар. – Я получил рублей 600, бешеные по тем временам деньги. Зашел в комиссионку, приобрел 4-дорожечный магнитофон «Грюндиг ТК46». На нем можно

было с дорожки на дорожку переписывать. Вот мы с ним сидели и сами занимались записью. Такое у нас было саундпродюсерство».

Кроме сторонних асов, Дегтярюка, Фокина, Саульского, приглашавшихся на традиционные для «МВ» позиции вокалиста, барабанщика, клавишника, «машинисты» пробовали дополнить свое звучание за счет других инструментов. Например, в группе появился скрипач Николай Ларин. Однако всё не прижилось. К лету 75-го «Машина» усохла до тандема ее отцов-основателей – Макара и Кавы. И тут нашелся Гуля, которому суждено было стать еще одним ведущим колесом данного механизма.

«Мой близкий друг Костя Корнаков, царство ему небесное, работал в Москонцерте и за 10–15 рублей сдавал в аренду разным группам аппаратуру, принадлежавшую великому арти-

сту Кола-Бельды, – рассказывает Маргулис. – Я помогал ему в качестве подсобного рабочего. Среди наших заказчиков была и «Машина». Следовательно, мы контактировали с «машинистами», выпивали вместе, общались с девками, играли на гитарах. В общем, весь набор...».

Когда Макаревич и Кавагоэ остались фактически без состава, они вспомнили о душевном подсобнике Жене, отыскивали его телефон, позвали в гости. Приехав на флэт, Гуля, по словам Андрея, выдал на гитаре чумовой пассаж с пояснением: «Вот и весь Хендрикс, ептыть...». Стало ясно, что этого малого упускать нельзя. «Женя, мы тебя берем, но нам нужен не гитарист, а басист, – вспоминает Макар. – Он ответил: «Я не умею на басу играть, хочу на гитаре». Я возразил: «Нет, Женя, на гитаре буду играть я». В наш репертуар уже входило порядка 20 авторских песен. Я мог их петь, только играя на гитаре. С басом в руках я бы их не спел». Маргулис особо не спорил и принял предложенные условия.

«Мне было 19 лет, – говорит Евгений, – в очередной раз я вылетел из института. Все было абсолютно по фигу, заняться нечем. Так почему бы не поиграть в группе, если музыка доставляет тебе удовольствие? Басист поначалу из меня был никакой. Макар мне давал первые уроки, Кава объяснял, как играть те песни, которые я не знал. Дрючили меня со страшной силой. Но я-таки стал бас-гитаристом и членом команды».

В том же 1975-м «Машина», уже с Гулей, сделала свою первую по-настоящему профессиональную запись. Инициативная телеведущая советского ЦТ Элеонора Беляева задумала пропихнуть группу в популярную передачу «Музыкальный киоск». В решающий момент затея провалилась. Но «машинисты» успели зафиксировать в студии семь своих вещей: от казённо-романтических – «В круге чистой воды» и «Из конца в конец» до злободневных боевиков – «Марионетки» и «Черно-белый цвет».

А дальше последовали четыре контрастных года, катапультировавших «Машину» в лидеры советского рока. Во второй половине 70-х группа пережила важнейшие перемены в составе, была на грани исчезновения, создала львиную долю своих «нетленок», поныне входящих в ее концертную программу, стала самой высокооплачиваемой любительской командой Союза и... свалила на профессиональную сцену. Непримиимые хиппаны и другие неформалы долгосрочную вербовку в Росконцерт «машинистам», в сущности, так тогда и не простили. Но, что характерно, и слушать «Машину» не перестали.

«Дрючили меня со страшной силой. Но я-таки стал бас-гитаристом и членом команды».

Глава 7

Ванечка пришел

Сначала выступили мы. Хиленько так. И зал вежливо-натуржно молчал.

В ГОД XXV СЪЕЗДА КПСС КОМСОМОЛЬСКОЕ РУКОВОДСТВО ЭСТОНИИ НЕОЖИДАННО ЗАТЕЯЛО ПРОГРЕССИВНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ ПОД ВЫВЕСКОЙ «ТАЛЛИНСКИЕ ПЕСНИ МОЛОДЕЖИ-76».

С «молодежными песнями» в столицу независимого ныне балтийского государства прикатил пестрый российский десант, где, среди прочих, были и начинающий питерский «Аквариум», и впервые уехавшая так далеко от Москвы «Машина», официально делегированная на фестиваль Министерством мясомолочной промышленности РСФСР, в здании которого «машинисты» на тот момент репетировали. Именно «МВ» и присудили первое место на данном форуме. Но реальным «потрясением» для Макара сотоварищи стало то, что «песни «Машины» вся эстонская фестивальная публика знала. Наши записи нас обогнали». Именно в Таллине с «машинистами» впервые пересекся будущий гуру русского рока Борис Гребенщиков и выступление «МВ» его поразило. «Они были на два уровня выше всего, что я тогда видел в Петербурге. Смотрелись абсолютными профессионалами, прекрасно держались на сцене, играли впечатляющую музыку и даже имели некое подобие светового шоу. Их «Туманные поля», помнится, снесли мне крышу. Это была настоящая психоделика».

О той встрече «МВ» и БГ сложили разные предания. В наиболее пикантном из них утверждалось, что «машинисты» вроде бы пытались увести у Бориса жену (будущую маму актрисы Алисы Гребенщиковой). Основатель «Аквариума» подобные слухи отрицает. «Никто никого не пытался уводить, – рассказывает БГ. – Просто мы ехали вместе в автобусе по Таллину. С нами была симпатичная девушка, которая им, естественно, понравилась, а то, что с ней оказался молодой человек, их расстроило, к сожалению. Этой девушкой была моя первая жена Наташа.

Несмотря на сие обстоятельство, они были со мной предельно вежливы. А когда узнали, что нам с Наташкой негде ночевать, поскольку мы заявили в Таллин по собственной инициативе, предложили поехать к ним в общежитие. Мы прекрасно провели ночь, попили друг другу, напились в дым, и все прочее позабылось. Пили чистый спирт, настоенный на афри-

канском перце. Очень сильная вещь. Они исполняли на три голоса – Макаревич, Маргулис и Кава – песни Queen с таким залихватским блеском, что я был в восторге! Абсолютно к себе расположили. Я им тоже чем-то понравился. С тех пор мы начали дружить.

Насколько помню, сначала они пригласили «Аквариум» выступить совместно с «МВ» в Москве, в архитектурном. Мне показалось тогда, что они себя недооценивают, поскольку на их фоне мы в то время выглядели, по крайней мере, странно. Тем не менее мы сыграли вместе. Кажется, в период студенческой летней сессии. А в Ленинграде я после таллинского фестиваля я не раз говорил знакомым организаторам концертов, что нужно пригласить «Машину Времени».

Вскоре это случилось. Сейшен проходил в маленьком питерском ДК, мест на 200. Сначала выступили мы. Хиленько так. И зал вежливо-натужно молчал. Потом вышли блестящие «Мифы», с харизматичным Юркой Ильченко, с заводным Юркой Степановым... Я, честно говоря, тут задрожал, поскольку за «Машину» как бы я отвечал, раз их пригласил. Подумалось, вдруг после «Мифов» Петербург их не примет, или они сыграют неудачно. Но они убрали зал с первого аккорда. Как только начали «Битву с дураками». Очень мощно смотрелось.

К слову, большое количество ранних песен «Машины» я запомнил наизусть. Когда мне пришлось провести месяц на армейских сборах, я поражал командный состав тем, что пел им песни «МВ», и офицеры меня уважали. Мои собственные сочинения никого из них не интересовали, а песни «Машины» нравились. «Люди в лодках», например. Я сидел в туалете на окошечке с гитарой и пел.

Вообще, «машинисты» на первых порах отнеслись к «Аквариуму» буквально как к младшим, бедным братьям. У них всего было больше – денег, опыта, светскости...

Как-то Макар устроил нам еще один специальный концерт в столице, в районном кафе, человек на сто. Колонки туда мы тащили прямо из Андрюшкиного дома. В сущности, «Аквариум» впервые по-человечески сыграл в Москве именно там. Существовала единственная запись этого выступления, и потом она, к сожалению, куда-то пропала».

Ту запись, видимо, сделал Александр «Фагот» Бутузов. Во всяком случае он был уверен, что является единственным человеком, зафиксировавшим на магнитофонную пленку «исторический концерт «Аквариума» 1976 года в стеклянной кафешке в Текстильщиках». Там же его приметил Макаревич. «Никакой дистанции между публикой и музыкантами в таких местах не существовало, – говорит Фагот. – Андрюха ко мне сам подошел, попросил поделиться потом записью этого выступления. Оставил номер своего домашнего телефона. Вскоре я приехал в

его квартиру на Комсомольском проспекте, привез пленку и заодно обсудил какие-то пластиночные дела. Я был начинающим битломаном, но у меня уже имелось несколько редких дисков. «Yellow Submarine», например, который нигде нельзя было купить в Москве. Еще знаменитый «роллинговский» винил «Their Satanic Majesties' Request», последний с Брайаном Джонсом, что Макара тоже заинтересовало. Как-то, в общем, начали с ним периодически общаться».

Через некоторое время и хиппану Фаготу, ни на чем не игравшему, нашлось место в концертах «Машины». Но раньше группа попыталась совершить очередную серию кульбитов в поисках нового саунда. У «МВ» такие опыты почти всегда завершаются по формуле «Лучшее – враг хорошего». Установление дружественно-партнерских контактов с питерскими коллегами привело к тому, что к тройке «машинистов» на некоторое время сенсационно примкнул тот самый «харизматичный» Юрий Ильченко из ленинградских «Мифов». По мнению Маргулиса, он «кардинально повлиял на звук «Машины». Однако записать что-либо с питерским легионером группа не успела. Юрий быстро вернулся в родной город, а «МВ» пополнилась духовой секцией.

Но и история «с дудками», то есть с кларнетом и трубой, на которых играли Евгений Легусов, Сергей Велицкий, а чуть позже Сергей Кузьминок, вышла кратковременной. «Машина» неизменно возвращалась к формату бит-группы и, в общем-то, в таком качестве выглядела наиболее востребованной народом. Ее репертуар, все еще исключительно авторскими усилиями Макаревича, подпитывался новыми разноплановыми хитами. Их с лихвой хватало, чтобы сделать, наконец, обстоятельную запись, скомпоновать сочный альбом. Кто-то должен был заняться организацией этого процесса и вообще административно-техническими вопросами коллектива.

И здесь до «Машины» добрался деловой и изобретательный, в определенном смысле, человек по имени Ованес Мелик-Пашаев. На первых порах он выбрал роль звукооператора группы, но вскоре ощутил себя директором коллектива в ранге «художественного руководителя». С Пашаева, собственно, и начался институт директоров «МВ». До его появления повседневные вопросы группы из разряда: когда играем, где, почему и на чем, как «литуем» тексты и прочее, «разруливал» лично Макар. И весьма этим тяготился.

«Началось с того, что Мелик-Пашаев позвонил нам и предложил поехать в какой-то стройотряд в поселке Каджером, возле Печоры, выступить там за большие деньги, – рассказывает Макаревич. – При этом сказал, что сам сыграет с нами на органе, как участник «МВ». Он очень хотел быть музыкантом, но играл крайне скверно.

Никакого стройотряда в Каджероме в помине не было. Там бичи работали в сезонном лесоповальном поселке. Заколачивали они прилично и гонорар могли выкатить неплохой. Мы согласились на предложение Пашаева и поехали. Загрузили в поезд наши инструменты, его орган «Регент-60» и на три дня рванули в жуткий комариный край в тайге. Нас встретили какие-то мужики, поселили в общежитии. Один концерт прошел в сельском маленьком клубе, другой – фактически на лесной поляне. Забавное вышло приключение. Не знаю, сколько положил себе в карман после этой поездки Пашаев, но то, что мы получили, нас вполне устроило.

А потом Ванечка (Ованес Нерсесыч) с нами как-то так и остался, начал концерты организовывать. У каждой команды в ту пору имелся человек, который ставил аппарат. Ванек пообещал, что сейчас купит нам фирменные динамики, сделает колонки. Собственно, он этим и занялся. Аппарат же был как воздух необходим. Не на чем было работать. За свои старания он получал некую долю наших концертных гонораров, что меня очень устроило. Я терпеть не мог заниматься организацией концертов, но до сего момента мне приходилось это делать. Общаться с заказчиками, объявлять цену. Теперь это делал Ванечка.

Цена наша медленно, но верно росла, поскольку группа становилась все более известной. Наличие у «Машины» качественного аппарата тоже играло роль. Пашаев все время что-то

покупал для нас из своих ресурсов. Потом он же и продавал это. И опять чего-то покупал. Он постоянно находился в состоянии фарцовки».

Пашаевская деловая ушлость сказалась и в том, что 1978-й стал годом первых целенаправленных рекорд-сессий «Машины». Их было несколько, разного качества. От той, что проводилась звуком «МВ» того периода Игорем Кленовым (в соратниках у него значился Мелик-Пашаев) в красном уголке столичной автодормехбазы № 6, до фундаментальной записи в речевой студии ГИТИСа, где «Джорджем Мартином и Филом Спектором» для «Машины» стремился стать Александр Кутиков, поддерживаемый другим звукооператором «МВ» Наилем Короткиным. Кутиков, работавший в ГИТИСе, играл тогда в «Високосном лете», но его сотрудничеству с «МВ» это не мешало. «Мы с Макаром продолжали дружить и общались постоянно, – вспоминает Саша, – несмотря на то что играли в разных командах».

За неделю ночных бдений в гитисовской студии, ради которых Макар выпросил себе отгулы в организации «Гипротейтр», где был трудоустроен, «Машина» записала 24 композиции, сведенные советскими распространителями неофициальных звукозаписей конца 70-х в альбом «День рождения». Двадцать лет спустя повесть об этом творении стала фактически первой главой 400-страничной антологии «100 магнитоальбомов советского рока. 15 лет подпольной звукозаписи». А в 1992 году на собственном лейбле Кутикова «Синтез рекордз» раритетная запись превратилась в официальную пластинку «Это было так давно».

Один концерт прошел в сельском маленьком клубе, другой – фактически на лесной поляне. Забавное вышло приключение.

Глава 8

Сход-развал

Зрели внутренние напряжения, и все мы чувствовали, что сделать тут ничего нельзя.

СТУДИЙНАЯ АКТИВНОСТЬ «МАШИНЫ» 1978-ГО ОКАЗАЛАСЬ, В СУЩНОСТИ, «ЛЕБЕДИНОЙ ПЕСНЕЙ» ТРИО: МАКАРЕВИЧ – КАВАГОЭ – МАРГУЛИС.

Далее группа стремительно покатилась к одному из самых драматичных эпизодов в своей судьбе, до конца объяснить который его участники и свидетели не сумели и десятилетия

спустя. В автобиографической книге Макара «Все очень просто» ситуация описывается так: «Вообще в группе было нехорошо. Зрели внутренние напряжения, и все мы чувствовали, что сделать тут ничего нельзя. Может быть, мы сыграли вместе все хорошее, что могли, и нужна была какая-то ломка».

Последними потугами «Машины» как-то встряхнуть обстановку стало возвращение после пятилетнего перерыва в состав клавишника (со своим синтезатором в «Машину» подсел довольно случайный для нее «пассажир» Александр Воронов, который, ясное дело, быстро слез). И создание концептуальной, литературно-музыкальной, претенциозной и новаторской по тем временам концертной программы «Маленький принц». Тут «МВ» и потребовался Фагот в качестве чтеца. Но и он, конечно, не мог кардинально изменить атмосферу в распадавшемся коллективе.

«В конце 70-х мы тусовались в основном на улице Горького, – говорит Бутузов. – Там были две точки – одна слегка агрессивная – кафе «Московское», другая более интеллигентская – кафе «Космос». В «Московском» чаще случались драки, там, грубо говоря, собиралась шпана. А в «Космосе» народ просто сидел, трепался. И с Макаром мы часто там пересекались. Однажды я, пьяненький, подсел к нему и начал читать стихи Галича. Андрей наострил уши и, образно говоря, побледнел и посинел от услышанного. «Это твои?» – спросил. Очень хотелось ответить ему «да». Причем я такой финт неоднократно проделывал, когда требовалось какую-нибудь чувиху очаровать. Тогда встречались такие, которые велись «на Галича». Ну, и вращались мы все-таки в определенной среде. Где-нибудь в Коктебеле, на бережке, почитать Галича, обнявшись с девушкой, и заметить ей, что это плоды моих трудных душевных исканий – было очень романтично и эффективно... Макару я, конечно, сказал, чьи это стихи. Но читал я их, по правде говоря, охуенно. Галич и Маяковский – два поэта, чрезвычайно мне близкие. Погружаясь в их поэзию, я почти верил, что это написано мной.

И вот позднее – 3 февраля 1979-го (даже дату запомнил) – сижу дома, играю с дружкой в шахматы. Вдруг звонит Макаревич: «Приезжай к нам на репетицию, ты можешь помочь». Чем помочь, понятия не имею. Может, думаю, нарисовать какую-нибудь декорацию? Но Макар сам вроде на это способен или, в крайнем случае, он найдет другого художника. В общем, бред собачий... Но оказаться на репетиционной базе «Машины», по-любому, здорово. Так что я, не раздумывая, поехал. База у них находилась в районе «Полежаевской» или «Октябрьского поля», и от метро еще требовалось пилить на автобусе до какого-то места, типа автопарка, проходить мимо злобно гавкающих собак к какому-то цеху, в котором располагался некий клуб.

Встретили меня Макар и Кава и сразу изложили идею о моем участии в их новой концертной программе «Маленький принц». Хотим, мол, объединить песни в своеобразную литературно-музыкальную композицию на основе «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Почему выбрали именно «Маленького принца», а, скажем, не пушкинскую трагедию «Моцарт и Сальери», неизвестно. Может, романтический дух Кавы как-то соответствовал этому произведению? По-моему, «принца» предложил именно он.

В общем, я начал выступать с «Машиной». Положили мне оклад – 10 рублей за концерт. Впоследствии он увеличился до 20, а потом до 50 рублей. И это были отличные деньги. От меня требовалось зачитывать отрывки из «Маленького принца», вразнобой поставленные в программу, и хоть самую малость связывать литературный текст со следующей или предыдущей песней».

Первое отделение премьерных показов «Принца», запись которых не вошла в современное переиздание данной программы на компакт-диске, завершилось примерно так – Фагот читал: «Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательней, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится проезжать тут, заклиная вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой. И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж, конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда – очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся». И «Машина Времени» начинала петь свою созерцательно-лирическую «Три окна».

«За год выступлений я текст так и не выучил, – продолжает Фагот. – И на концертах читал свои «прозаические партии» с листа. Садился на сцене за столик, покрытый какой-то тканью, типа скатерти. На нем стояла лампа, были разложены красивые тома... Я слушал песни «МВ», звучащие за моей спиной, и делал вид, что они меня вдохновляют на то, что я сейчас произнесу. Так происходило в первом отделении. А во втором, уже без всяких литературных прелюдий, сплошняком шли хиты «Машины». Макар интуитивно или просчитанно добился важной вещи – заставил публику внимательно слушать то, что ей исполняли. Зачем, в принципе, я прихожу на сейшен? Побеситься. Это же не концерт музыки Вивальди, а рок-н-ролл. И тут мне какую-то пургу гонят. Сидит странный мужик, книгу читает. Вы рок давайте!»

Казалось бы, зрители так должны рассуждать. Но они сидели и слушали. Звучали, конечно, отдельные посвисты, но быстро стихали. А если кто и оставался в недоумении, то во второй, хитовой, части концерта получал полный оттяг.

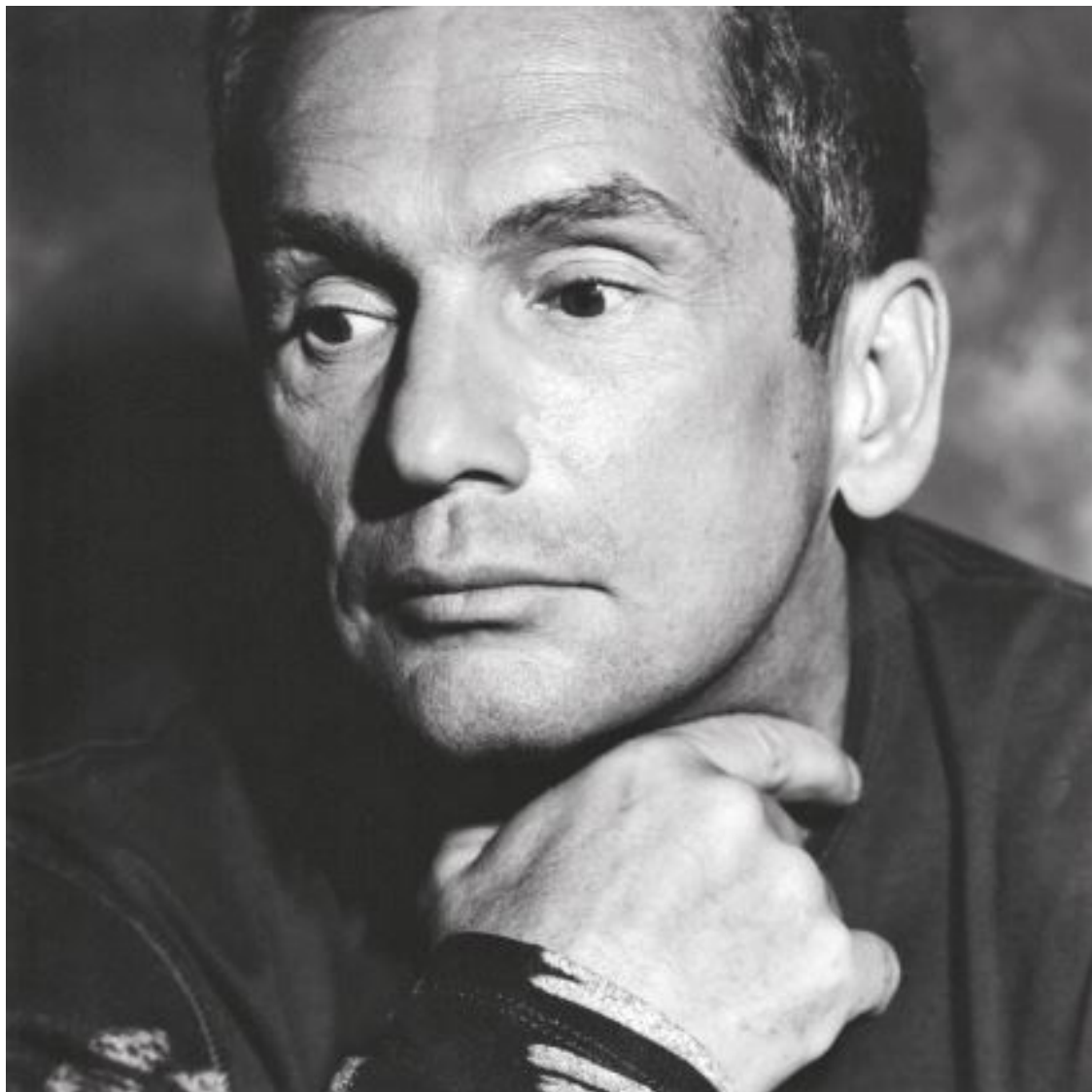
В дальнейшем программа «Маленького принца», не знаю с какого перепугу, дополнилась, помимо текста Экзюпери, стихами Арсения Тарковского, Михаила Анчарова, даже из Януша Корчака, кажется, я что-то читал. Но это было уже после глобальных перемен в группе, когда Кавагоэ с Маргулисом ушли.

Кава, конечно, жутко конфликтный человек был, ни с кем не сходил. После каждого концерта от него какой-то негатив шел. Всегда был чем-нибудь недоволен.

Меня это, правда, не касалось. Претензии адресовались в основном Макару. Хотя нет, наибольшее раздражение у Кавы, по-моему, вызывал недолго побывший в «Машине» клавишник Александр Воронов. Вот ведь действительно был абсолютно чуждый группе человек. Гуля звал его «припи» – припудренный. Саня Заборовский, светооператор «машиновский», над ним издевался со страшной силой. У Воронова был какой-то самодельный синтезатор, который требовалось настраивать с тонкостью уникальной, за три часа до концерта. Он это и делал. После чего появлялся Заборовский, выключал синтезатор на хрен из сети, включал какую-то свою бритву и начинал бриться. Воронова это просто выводило из себя».

«К 79-му году напряжение в команде narosло совсем жуткое, – объясняет Макаревич. – Во многом, наверное, из-за того, что мы ничего нового сочинить не могли. То ли все музы-

кальные возможности друг друга исчерпали, то ли еще что-то. Требовалась какая-то подпитка извне, которой не было. Мы ругались-мирились, ругались-мирились, а потом случился серьезный скандал. Художники с Малой Грузинской, пребывавшие в тот период со своим творчеством примерно в том же полулегальном состоянии, что и «Машина», попросили нас сыграть у них в подвале. Я счел такое приглашение высшей честью. Кавагоэ же заподозрил, что я, втихаря от него и Маргулиса, рассчитываю вступить в союз этих художников, а своих друзей (то есть группу) использую задарма, чтобы добиться поставленной цели. Это меня обидело страшно. Играть бесплатно Кава не хотел, да еще говорил: «Подумаешь, художники. Пусть приходят к нам на сейшен, покупают проходки и слушают». Перед концертом Кава основательно напился. Сыграли мы отвратительно. После чего я сказал: все, до свидания, с Кавой больше не играю».

Расспросить Сергея Кавагоэ об этом конфликте я не успел, но когда-то он поведал о нем своему заокеанскому знакомому Борису Бостону, и тот пересказал воспоминания Кавы о знаменательном сейшене у художников так: «Все началось с того, что на традиционной предконцертной разминке норма «для вдохновения» была превышена вдвое, а Мелик-Пашаева вообще упоили вусмерть. Первое отделение Ованес еще кое-как крепился и, выпучив глаза, бессистемно двигал ручками, то напрочь заглушая вокал гитарой, то наоборот. Кавагоэ с Маргулисом с пьяными улыбками строили Макаревичу рожи, пытаясь его рассмешить, прекрасно

понимая, что одновременно петь и смеяться не под силу даже Цезарю. Но Андрею (который в другой ситуации бывало включался в эти игры) в тот вечер было не до смеха.

Во втором отделении ситуация стала критической. Нужно сказать, что у Кавагоэ с Маргулисом был такой ритуал: в середине концерта, когда Макаревич один исполнял пару своих песен под акустическую гитару, заскочить за кулисы и по-гусарски, винтом схватить по дополнительному стакану разогревающей жидкости. На концерте для братьев-авангардистов они схватили по паре. После этого попадать по струнам и барабанам стало довольно трудно, а вскоре и не зачем, поскольку Мелик-Пашаев совсем скис, устало уронил лицо на пульт и головой задвинул все ручки в один угол.

На Андрее не было лица. Последней каплей, вызвавшей взрыв, стало традиционное представление участников. Обычно Макаревич объявлял: «За барабанами Сергей Кавагоэ, на бас-гитаре для вас играл Евгений Маргулис», а затем Кавагоэ представлял Андрея. В этот вечер, в довершение ко всем безобразиям, Кава с пьяной улыбкой произнес: «А на гитаре сегодня упражнялся Андрей Макаревич». После концерта, как обычно, повезли аппаратуру на Речной вокзал домой к Мелик-Пашаеву. Андрей всю дорогу молчал, как будто набрал в рот воды. А на кухне у Ованеса объявил, что из группы уходит и всех приглашает с собой. Кроме Кавагоэ...»

«Я был у Мелик-Пашаева в тот вечер, когда Макар сказал: «Ребята, я ухожу из группы. Все, кто хочет присоединиться ко мне – милости прошу. Это не касается только Сергея Кавагоэ», – говорит Фагот. – А получилось, что с Кавой ушел и Маргулис. Почему? Это загадка. Но, в общем-то, Гуля есть Гуля... С Макаревичем остались Ваник, я, ну и Наиль Короткин с Заборовским. В тот момент я, наверное, был самым близким другом Макара».

«Разругавшись с Кавагоэ, я был уверен, что Маргулис останется со мной, и мы найдем нового барабанщика, – рассказывает Макаревич. – Но Женя свалил. Я оказался фактически один. Правда, вскоре повстречал на улице Кутикова, которого не видел довольно давно. Как-то мало времени для общения у нас находилось, пока он играл в «Високосном лете». А тут встретились на Тверской. «Привет! – Привет! Чего такой грустный? – спросил меня Саша. – Да вот такая хуйня произошла, – отвечаю, – группа разбежалась. И тут он говорит: «Да все нормально. Давай возьмем Валерку Ефремова и еще одного парня, Петю Подгородецкого, он на пианино играет, и восстановим «Машину». Я поинтересовался, что значит – возьмем, если они все при деле – в группе играют? Кутиков объяснил: «У нас в «Високосном лете» тоже развал. Народ уходит собирается, возможно, команда перестанет существовать». А мы с «Високосным летом», как Майк с БГ, по одним и тем же сейшенам катались, друг друга хорошо знали. В общем, предложение Саши я принял. И как только начали репетировать в новом составе, из меня поперли песни, что вполне объяснимо. До этого я взаимодействовал с людьми, которых знал много лет, и наперед представлял каждую следующую ноту, которую они сыграют. А тут все исполнялось чуть-чуть по-другому, и это страшно подстегивало, в частности, к написанию песен. Это как новую гитару купишь, она звучит чуть иначе предыдущей, и ты вдруг лучше играть начинаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.